

Научная статья / Original research article

УДК 316.6 + 316.74

DOI: <https://doi.org/10.31660/1993-1824-2026-2-72-82>

EDN: MTXCBV

Межпоколенческая трансмиссия религиозных ценностей в современной российской семье

Ю. П. Савицкая*, Л. Н. Белоножко, С. В. Толмачева

Тюменский индустриальный университет, Тюмень, Российская Федерация

*savitskajap@tyuiu.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу межпоколенческой передачи религиозных ценностей в современной российской семье. Актуальность темы обусловлена противоречием между декларируемой молодежью религиозной идентичностью и низким уровнем реальной воцерковленности, а также особым положением старшего поколения как носителя религиозной традиции, пережившего длительный период государственного атеизма. Опираясь на теоретические положения К. Мангейма и результаты эмпирических исследований (Д. А. Тихомирова, В. И. Пищик и собственные материалы), авторы обосновывают гипотезу о «разорванной трансмиссии». Согласно этой гипотезе в условиях секуляризованного советского прошлого передача религиозных ценностей осуществляется не напрямую от родителей (поколение «отцов»), а через поколение бабушек и дедушек («деды» → «внуки»). На основе сравнительного анализа поколенческих характеристик и эмпирических данных выявлено, что отсутствие прямой преемственности между родителями и детьми приводит к таким феноменам, как формализация религиозности, синкретизм верований и внеконфессиональная духовность. Делается вывод о необходимости учета специфики «разорванной трансмиссии» в практике семейного воспитания, школьном образовании и социальном служении.

Ключевые слова: межпоколенческая трансмиссия, религиозные ценности, семья, поколенческий разрыв, религиозная социализация, традиционные ценности, молодежь

Для цитирования: Савицкая, Ю. П. Межпоколенческая трансмиссия религиозных ценностей в современной российской семье / Ю. П. Савицкая, Л. Н. Белоножко, С. В. Толмачева. – <https://doi.org/10.31660/1993-1824-2026-2-72-82> // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. – 2026. – № 2. – С. 72–82. – EDN: MTXCBV

Intergenerational transmission of religious values in the modern Russian family

Yulia P. Savitskaya*, Lidiia N. Belonozhko, Svetlana V. Tolmacheva

Industrial University of Tyumen, Tyumen, Russian Federation

*savitskajap@tyuiu.ru

Abstract. This article analyzes how religious values pass from one generation to another in contemporary Russian families. This topic is relevant because there is contradiction between a religious identity declared by youth, and low level of real churchness. At the same time, the older generation holds a special role as a carrier of religious tradition, since it lived through a long period of state atheism. Relying on the theoretical propositions of K. Mannheim and on empirical studies by D. A. Tikhomirova, V. I. Pishchik, the authors ground the hypothesis of a “broken transmission”. According to this hypothesis, the secular Soviet past changed the order of transfer of religious values, and now they are transferred not directly from parents (the “fathers” generation), but through grandparents (from “grandparents” to “grandchildren”). Using comparative analysis of generational characteristics and empirical data, the authors found that the lack of direct continuity between parents and children leads to several outcomes: formalized religiosity, syncretic beliefs, and non-confessional spirituality.

The article concludes that specific aspects of this “broken transmission” must be considered in family upbringing, school education, and social service.

Key words: intergenerational transmission, religious values, family, generational gap, religious socialization, traditional values, youth

For citation: Savitskaya Yu. P., Belonozhko L. N., Tolmacheva S. V. (2026). Intergenerational transmission of religious values in the modern Russian family. *Proceedings of Higher Educational Institutions. Sociology. Economics. Politics*, (2), pp. 72-82. (In Russ.). <https://doi.org/10.31660/1993-1824-2026-2-72-82>

Введение

Проблема сохранения и передачи традиционных духовно-нравственных ценностей приобрела в России характер национального приоритета, что зафиксировано в Указе Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [1]. В этом контексте семья традиционно рассматривается как первичный и основополагающий институт социализации, ответственный за трансляцию культурного кода и религиозных оснований морали от старших поколений к младшим.

Однако социологические исследования фиксируют парадоксальную ситуацию. С одной стороны, наблюдается рост самоидентификации россиян как верующих, особенно среди молодежи [2]. С другой стороны, исследователи отмечают поверхностный, формальный характер этой религиозности, разрыв между декларируемой конфессиональной принадлежностью и реальным религиозным поведением [3, 4]. Возникает вопрос, почему институт семьи, призванный обеспечивать незыблемость традиции, транслирует религиозные ценности в столь ослабленном, амбивалентном виде?

В контексте обозначенного вопроса интерес представляет анализ механизмов межпоколенческой трансмиссии религиозных ценностей в современной российской семье и обоснование гипотезы о ее «разорванном» характере, при котором передача веры осуществляется по модели «бабушки и дедушки → внуки», минуя поколение родителей.

Теоретико-методологическая основа

В работе авторы опираются на фундаментальные положения социологии поколений, разработанные К. Мангеймом [5]. Его концепция «социального местоположения» поколения, формирующаяся под влиянием ключевых исторических событий, позволила рассматривать религиозные ценности не как статичную данность, а как динамическую категорию, преломляющуюся через уникальный опыт разных возрастных когорт. Принципиально важным для нашего анализа стал тезис К. Мангейма о невозможности радикальной самостоятельной трансформации базовых ценностей молодым поколением без опоры на опыт старших, что задало вектор поиска «разрывов» и «каналов» связи между ними.

В качестве основных методов исследования выступили:

1. Сравнительно-исторический анализ, позволивший реконструировать условия религиозной социализации трех поколений россиян («дедов», «отцов», «внуков») в контексте социально-политических изменений исследуемого периода.

2. Систематизация и вторичный анализ данных социологических опросов и психолого-педагогических исследований, посвященных проблемам семьи, религиозности и межпоколенческого взаимодействия:

- данные массовых опросов (ВЦИОМ, ФОМ), охватывающие период 1990–2020 гг., на основании которых были зафиксированы макросоциальные сдвиги в уровне декларируемой религиозности и религиозного поведения поколений «отцов» и «внуков»;

- результаты региональных и локальных эмпирических исследований, в частности использованы данные Д. А. Тихомирова (Москва, 2016, выборка 605 респондентов), позволившие установить корреляцию между религиозностью студентов и наличием в семье верующих родственников (особенно женщин), а также В. И. Пищук и А. О. Лобачевой (Ростов-на-Дону, 2022, 290 респондентов), выявившие незрелые, синкретические формы религиозности поколений Y и Z.

- авторские эмпирические исследования (Тюмень, 2019–2022, 774 респондента), послужившие основой для выводов о формальном характере религиозности молодежи, низком уровне реальной воцерковленности и мировоззренческом синкретизме.

Необходимо отметить, что статья базируется преимущественно на вторичном анализе данных, что не позволяет унифицировать методики сбора первичной информации и сопоставить результаты с абсолютной точностью. Авторская работа фиксирует, скорее, общие тенденции, оставляя вне исследовательского поля детальный анализ внутриконфессиональных различий и особенностей трансмиссии в нерелигиозных или атеистических семьях.

Однако такой подход позволяет выявить приоритетные трансформации религиозного сознания и отделить устойчивые, воспроизводящиеся паттерны от ситуативных, конъюнктурных колебаний молодежной культуры.

Обсуждение

Согласно социологии поколений К. Мангейма каждое поколение формируется под влиянием уникального исторического и социального опыта, что определяет его «социальное местоположение» и коллективные представления. Ученый подчеркивает, что базовые духовно-нравственные ценности не могут быть радикально трансформированы молодым поколением самостоятельно; их изменение возможно только под влиянием и в сотрудничестве со старшими поколениями [5].

Применительно к религиозной социализации это означает, что ребенок усваивает религиозные ценности прежде всего через подражание значимым для него взрослым.

Зарубежные исследования подтверждают исключительную роль семьи в этом процессе. М. Аргайл и Б. Бейт-Халлами считают религиозные установки родителей одним из важнейших факторов формирования религиозности детей [6]. Данные исследований В. Старка (1963) показали, что до 85 % молодых людей сохраняют вероисповедание своих родителей [7].

Однако классические модели предполагают наличие прямой линии преемственности: религиозные родители — религиозные дети. В российском же контексте эта линейность была нарушена.

Ключевым фактором, деформировавшим прямую трансмиссию, стал длительный период государственного атеизма в СССР. Поколение, которое сегодня является родителями современных студентов (условное поколение X, 1965–1982 гг. р. по типологии В. И. Пищик), социализировалось в условиях, когда публичная религиозность была невозможна, а атеистическое воспитание было нормой. [8] Их родители — поколение бабушек и дедушек — часто были носителями «скрытой», домашней, неинституционализированной религиозности, которая не могла быть открыто передана детям, но сохранилась как культурная память и личное переживание.

Т. А. Фолиева и Т. В. Складорова обращают внимание на феномен, проявляющийся в том, что первостепенная роль в религиозном воспитании в советское и постсоветское время принадлежала именно бабушкам. Они выступали связующей нитью между церковью и домом, передавая веру внукам, минуя «безрелигиозных» родителей [9, 10]. Как отмечается в публикациях, именно бабушки преподавали уроки веры многим людям среднего возраста, и эти воспоминания детства помогли им найти дорогу к храму уже во взрослом возрасте [11].

Таким образом, формируется гипотетическая модель «разорванной трансмиссии»: «деды» (носители традиции, пережившие гонения или скрытую религиозность) → «внуки» (поколение, ищущее смыслы в постсоветский период), в то время как промежуточное поколение «отцов» (X) остается в значительной степени секуляризованным или колеблющимся.

Для наглядного представления различий в условиях и характере религиозной социализации трех поколений россиян обратимся к сравнительной таблице 1.

Данные, представленные в таблице 1, демонстрируют принципиальные различия в поколенческом опыте. Поколение «дедов», несмотря на гонения, сохранило «внутреннюю веру» и стало стихийным передатчиком традиции. Поколение «отцов», выросшее в условиях системного атеизма, выступило «блокирующим каналом». Поколение «внуков», оказавшись в ситуации религиозной свободы, получило веру не от родителей, а от бабушек и дедушек либо из медиа, что и предопределило фрагментарный характер их религиозности.

Таблица 1. Сравнительный анализ религиозной социализации поколений в России*
Table 1. Comparative analysis of religious socialization of generations in Russia*

Критерий сравнения	Поколение «дедов» (1930–1950 г.р.)	Поколение «отцов» (1965–1985 г.р.)	Поколение «внуков» (1995–2010 г.р.)
Условия социализации	Довоенный/военный период, частичное сохранение дореволюционных традиций, «хрущевские» гонения на церковь	Позднесоветский период, системное атеистическое воспитание, «застой», перестройка	Постсоветский период, религиозный плюрализм, «рыночная» экономика, цифровизация
Тип религиозности	Традиционная, «домашняя», часто скрытая	Атеистическая или агностическая, формальная приверженность обрядам	Декларативная, внеконфессиональная, синкретичная, «духовность без религии»
Институциональная включенность	Низкая внешняя (из-за запретов), но высокая внутренняя	Минимальная, ритуализированная (венчание, отпевание)	Поверхностная, «праздничная» (Пасха, Рождество как культурные события)
Носитель традиции	Бабушки и дедушки (стихийные катехизаторы)	Родители, школа, комсомол (носители атеизма)	СМИ, интернет, социальные сети, блогеры
Роль в трансмиссии	Передачик (источник традиции)	Блокировщик канала	Приемщик (фрагментарный реципиент)

*Составлена автором на основе теоретических положений К. Мангейма [6] и типологии В. И. Пищик [10]

Результаты исследований

Анализ доступных эмпирических данных позволяет найти количественные подтверждения этой гипотезы.

1. Данные о роли семьи. Исследование Д. А. Тихомирова (2016, Москва, выборка 605 респондентов) показало, что 69 % студентов имеют в семье верующих родственников. При этом для религиозных студентов этот показатель достигает 80 %, а для неверующих — лишь 57 %. Важно, что в православных семьях носителем веры чаще всего выступает женщина (мама, бабушка) [12].

2. Разрыв поколений. Исследование В. И. Пищик и А. О. Лобачевой (2022, Ростов-на-Дону, выборка 290 респондентов) выявило противоречие между объектами веры и религиозностью у поколений Y и Z. Представители «информационного» поколения (Y) полагают, что духовность и вера очень важны, но при этом не придерживаются никакой конкретной религиозной веры, считая себя просто «духовными». Авторы заключают, что религиозность в обеих группах слабая и имеет незрелые формы [8]. Это может быть следствием именно того, что прямая, институциональная передача веры от родителей не состоялась, а «бабушкина» вера была воспринята фрагментарно, как часть семейного фольклора, а не как строгая система догматов и практик.

3. Формализация и синкретизм. Авторские исследования (Тюмень, 2019–2022, выборка 384 и 390 респондентов) фиксируют высокий уровень формально верующих (до 54 % на 1-м курсе) и низкий уровень реально религиозного участия (регулярно посещают культовые сооружения лишь 20 % православных, практически никто не исповедуется). Молодежь демонстрирует синкретизм, сочетая веру в Бога с верой в «высший космический разум» [4]. Это также может быть следствием отсутствия жесткой, дисциплинирующей трансмиссии от родителей, которые могли бы научить конкретным практикам и сформировать привычку к церковной жизни. Полученная от бабушек «вера вообще» легко смешивается с другими мировоззренческими элементами современной культуры.

Для более детального количественного сопоставления установок поколений «отцов» и «внуков» обратимся к данным массовых опросов (табл. 2).

Таблица 2. Сравнительный анализ религиозных установок поколений «отцов» и «внуков» (по данным эмпирических исследований)

Table 2. Comparative analysis of religious attitudes of the "fathers" and "grandchildren" generations (based on empirical research data)

Критерий сравнения	Поколение «отцов» (данные опросов 1990–2000 гг.)	Поколение «внуков» (данные исследований 2016–2022 гг.)
Доля идентифицирующих себя как верующие	43–47 % (данные ВЦИОМ, 1990-е гг.) [16]	56–65 % (Тихомиров, 2016; Савицкая, 2020) [14, 4]
Доля посещающих храм/мечеть регулярно (не реже 1 раза в месяц)	6–8 % (данные ФОМ, 2000-е гг.) [17]	11–20 % (Тихомиров, 2016) [14]
Соблюдение постов и обрядов	Скорее как дань традиции, эпизодически [18]	Формально, как элемент культурной идентичности [4]
Доля поддерживающих добрачные отношения	Около 40–45 % (консервативная позиция сильнее) [19]	70–75 % (Тихомиров, 2016) [14]
Отношение к преподаванию религии в школе	Настороженное, но с уважением к традициям [20]	61 % против (Тихомиров, 2016) [14]
Форма религиозности	Культурно-обрядовая, советский «атеизм с налетом традиции» [3]	Синкретическая, «духовность без обязательств» [4, 10]

Данные, представленные в таблице 2, показывают ряд важных противоречий. Первое связано с тем, что поколение «внуков» значительно чаще относит себя к верующим (56–65 % против 43–47 % у «отцов»), что, казалось бы, свидетельствует о религиозном возрождении. Однако доля регулярно практикующих обряды остается крайне низкой (11–20 %). Это подтверждает, что религиозная идентичность для молодежи ста-

ла формой культурной самоидентификации, а не следствием глубокой личной веры. Второе противоречие указывает на то, что, называя себя верующими, «внуки» демонстрируют гораздо более либеральные установки (70–75 % поддерживают добрые отношения), что резко противоречит позиции церкви. Это прямое следствие «разорванной трансмиссии»: от бабушек была воспринята общая идея «Бог есть», но не усвоена дисциплинарная система религиозных запретов. Третье противоречие касается того, что именно молодежь (61 %) выступает против преподавания основ религии в школе. Не имея системного религиозного воспитания в семье, они воспринимают религию как сугубо приватное («бабушкино») дело, не предназначенное для публичного обсуждения.

Таким образом, в условиях «разорванной трансмиссии» бабушки и дедушки выполняют уникальные функции, которые не могут быть в полной мере воспроизведены ни родителями, ни образовательными институтами.

Во-первых, они являются носителями «живой памяти» и семейного предания. Как отмечает Л. И. Калюжная, бабушки хранят воспоминания, создают семейный уют и передают традиции [11]. В советское время именно они могли рассказывать внукам о праздниках, которые не отмечались официально, о крещении, о родственниках-священниках.

Во-вторых, они выступают примерами молитвы и терпения. Многие бабушки, наученные жизнью, обладают глубоким опытом молитвы за своих детей и внуков, даже если внешне это не всегда заметно. Этот опыт, передаваемый не столько через наставления, сколько через совместное проживание, становится мощным фундаментом духовности [11].

В-третьих, они часто более мудры и терпеливы в воспитании, так как «нянчат уже второе поколение детей и учитывают ошибки, допущенные в молодости» [17]. Это позволяет им выстраивать с внуками более доверительные отношения, в которых возможен разговор о вере без назидательности и давления, что особенно ценно для подростков.

Рассмотренная выше модель «разорванной трансмиссии» (бабушки → внуки) была характерна для постсоветского периода, когда доступ к религиозной традиции осуществлялся через семейную память старшего поколения. Однако в последнее десятилетие сформировался принципиально новый агент социализации — цифровая среда (социальные сети, мессенджеры, религиозные блоги, YouTube-каналы, онлайн-сообщества). Для поколения «внуков» (Z и Alpha) медиа нередко становятся более авторитетным источником информации о религии, чем семья [16]. Это обстоятельство требует корректировки предложенной модели и учета двух разноплановых тенденций.

С одной стороны, цифровая среда может замещать бабушек в роли транслятора религиозных знаний. Исследования показывают, что молодые люди, интересующиеся религией, все чаще обращаются к тематическим каналам в Telegram, подкастам священников и блогеров-миссионеров, а также к виртуальным сообществам верующих [17, 18]. В таких случаях фигура «цифрового наставника» вытесняет традиционную роль бабушки как хранительницы веры. Это особенно характерно для городской, высо-

коинтегрированной в интернет молодежи, у которой физическое расстояние от старших родственников или утрата живого общения с ними компенсируется онлайн-контентом.

С другой стороны, цифровая среда может усиливать роль бабушек, предоставляя им новые каналы для передачи традиции. Современные бабушки активно осваивают мессенджеры, рассылают внукам ссылки на православные молитвы, проповеди и жития святых.

Однако следует отметить и риски. Молодой человек может подписаться одновременно и на православного священника, и на буддийского монаха и эзотерического блогера, формируя эклектическую картину мира, где нет иерархии авторитетов. В отличие от бабушек, чей авторитет подкреплен личными отношениями и историей семьи, цифровые источники действуют фрагментировано и часто противоречиво. Это усиливает выявленный нами ранее синкретизм и формальную религиозность.

Таким образом, влияние цифровой среды на межпоколенческую трансмиссию является амбивалентным. С одной стороны, она может ослаблять уникальную роль бабушек, предлагая альтернативных, более доступных носителей религиозного знания. С другой стороны, она позволяет бабушкам оставаться значимыми фигурами в религиозной социализации внуков даже при отсутствии частого очного общения. В любом случае, учет цифрового фактора необходим для активного понимания современной религиозности молодежи, и предложенная модель «разорванной трансмиссии» должна быть дополнена признанием двойной опосредованности: теперь передача религиозных ценностей идет не только от бабушек, но и через цифровые каналы, которые могут как усиливать, так и замещать семейную традицию.

Вклад авторов

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Authors' contributions

All authors contributed equally to the preparation of the manuscript.

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests. The authors declare no conflicts of interest.

Список источников

1. Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей : указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/000120221109_0019. – Текст : электронный.
2. Мchedlova, M. M. Религия в проектах современности: между алармизмом, политической целесообразностью и утопией / М. М. Мchedlova. – <https://doi.org/10.17976/jpps/2024.02.05>. – Текст : непосредственный // Полис. Политические исследования. – 2024. – № 2. – С. 50–64.

3. Синелина, Ю. Ю. Религиозность в современной России: тенденции и проблемы / Ю. Ю. Синелина. – Текст : непосредственный // Отечественные записки. – 2013. – № 1(52). – С. 243–255.
4. Савицкая, Ю. П. Роль религиозных ценностей в формировании ценностных ориентаций студенческой молодежи : специальность 5.4.6 «Социология культуры»: диссертация на соискание ученой степени кандидата социологических наук / Савицкая Юлия Петровна. – Тюменский индустриальный университет. – Тюмень, 2023. – 226 с. – Текст : непосредственный
5. Мангейм, К. Проблема поколений / К. Мангейм. – Текст : непосредственный // Новое литературное обозрение. – 1998. – № 2 (30). – С. 7–47.
6. Argyle, M. Religious behavior / M. Argyle. – London : Routledge, 1975. – 220 p. – Text : direct.
7. Stark, R. Sociology of religion / R. Stark. Wadsworth publishing company, 1994. – 416 p. – Text : direct.
8. Пищик, В. И. Особенности религиозности и веры представителей «Информационного» и «Нового» поколений / В. И. Пищик, А. О. Лобачева. – <https://doi.org/10.17759/SPS.2022130105>. – Текст : непосредственный // Социальная психология и общество. – 2022. – Т. 13, № 1. – С. 70–86.
9. Фолиева, Т. А. Религиозная социализация: понятие и проблемы / Т. А. Фолиева. – Текст : непосредственный // Известия Иркутского государственного университета. Серия : политология. Религиоведение. – 2012. – № 2-1. – С. 205–212.
10. Скларова, Т. В. Религиозная социализация: проблемы и направления исследований / Т. В. Скларова. – Текст : непосредственный // Вестник православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 4: Педагогика. Психология. – 2009. – № 4 (15). – С. 7–17.
11. Калюжная, Л. И. Бабушка, а почему? Или Разговоры с внуками: педагогические заметки / Л. И. Калюжная. – Москва : Издательство Сретенского монастыря, 2015. – 131 с. – Текст : непосредственный.
12. Тихомиров, Д. А. Религиозная социализация студенческой молодежи мегаполиса / Д. А. Тихомиров. – Текст : непосредственный // Вестник экономики, права и социологии. – 2016. – № 4. – С. 177–191.
13. Религия в нашей жизни: аналитический обзор. – Текст : электронный // ВЦИОМ : официальный сайт. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/religiya-v-nashej-zhizni> (дата обращения: 24.03.2025).
14. Религиозная идентичность и воцерковленность: отчет по данным опроса. – Текст : электронный // ФОМ : официальный сайт. – URL: https://bd.fom.ru/report/cat/cult/rel_rel/rel_/d081623/printable/ (дата обращения: 24.03.2025).
15. Голов, А. А. Религиозность, а также что люди обретают в религии: пресс-выпуск. – Текст : электронный // Аналитический Центр Юрия Левады (Левада-Центр): официальный сайт. URL: <https://www.levada.ru/2008/03/10/a-a-golov-religioznost-a-takzhe-chto-lyudi-obretayut-v-religii/> (дата обращения: 24.03.2025).
16. Кашпур, В. В. Опыт сравнительного анализа измерения религиозности человека с использованием методов анализа цифровых следов и онлайн-опроса / В. В. Кашпур, И. А. Ракин. – <https://doi.org/10.35634/2587-9030-2024-8-3-314-323>. – Текст : непосредственный // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. – 2024. – Т. 8, № 3. – С. 314–323.
17. Орлов, М. О. Средства массовой информации религиозных институтов как фактор социализации молодежи в цифровой среде / М. О. Орлов. – Текст : непосредственный // Современное культурно-образовательное пространство гуманитарных и социальных наук : материалы VIII Международной научной конференции / под общей ред. Ю. Ю. Андреевой, И. Э. Рахимбаевой. – 2020. – С. 814–822.

18. Орлов, М. О. Религиозная идентичность в цифровой среде: социокультурный и психофизиологические подходы. / М. О. Орлов, К. Ю. Петрова. – Текст : непосредственный // Вестник развития науки и образования. – 2018. – № 4. – С. 34–42.

References

1. On Approval of the Fundamentals of State Policy on Preservation and Strengthening Traditional Russian Spiritual and Moral Values : Decree of the President of the Russian Federation No. 809 dated November 9. (In Russ.). Available at: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/000120221109_0019
2. Mchedlova, M. M. (2024). Religion in modern projects: between alarmism, political expediency and utopia. – Polis. Political Studies, (2), pp. 50-64. (In Russ.). <https://doi.org/10.17976/jpps/2024.02.05>
3. Sinelina, Yu. (2013). Religiosity in today's Russia. Otechestvennye zapiski: the journal of russian thought, 1(52), pp. 243-255. (In Russ.).
4. Savitskaya, Yu. P. (2023). The Role of Religious Values in the Formation of Value Orientations among Student Youth. Diss. for the Degree of cand. of Sociological Sciences. Tyumen Industrial University. Tyumen, 226 p. (In Russ.).
5. Mannheim, K. (1998). The Problem of Generation. New Literary Review, 2 (30), pp. 7-47. (In Russ.).
6. Argyle, M. (1975). Religious behavior. London : Routledge, 220 p. (In English).
7. Stark, R. (1994). Sociology of religion. Wadsworth publishing company, 416 p. (In English).
8. Pishchik, V. I. & Lobacheva, A. O. (2022). Features of religiosity and faith of representatives of the "Information" and "New" generations. Social psychology and society, 13(1), pp.70-86. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/SPS.2022130105>
9. Folieva, T. A. (2012). Religious socialization: concepts and problems. The bulletin of Irkutsk state university. Series: political science and religion studies, (2-1), pp.205-212. (In Russ.).
10. Sklyarova, T. V. (2009). Religious Socialization: Problems and Research Directions. St. Tikhon's University Review. Pedagogy. Psychology, 4(15), pp.7-17. (In Russ.).
11. Kalyuzhnaya, L. I. (2015). Grandmother, Why? Or Conversations with Grandchildren: Pedagogical Notes. Moscow, Sretensky Monastery Publishing House Publ. (In Russ.).
12. Tikhomirov, D. A. (2016). Religious Socialization of Student Youth in a Megalopolis. Bulletin of Economics, Law, and Sociology, (4), pp. 177-191. (In Russ.).
13. Religion in Our Lives: An Analytical Review. VTsIOM. (In Russ.). Available at: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/religiya-v-nashej-zhizni>
14. Religious Identity and Church Membership: A Report Based on Survey Data. FOM. (In Russ.). Available at: https://bd.fom.ru/report/cat/cult/rel_rel/d081623/printable/
15. Golov, A. A. Religiousness, as well as what people find in religion: press release. Yuri Levada Analytical Center (Levada Center). (In Russ.). Available at: <https://www.levada.ru/2008/03/10/a-a-golov-religioznost-a-takzhe-chto-lyudi-obretayut-v-religii/>
16. Kashpur, V. V., & Rakin, I. A. (2024). Experience in comparative analysis of measuring human religiosity using digital footprint analysis and online surveys. Bulletin of Udmurt University. Sociology. Political Science. International Relations, 8(3), pp. 314-323. (In Russ.). <https://doi.org/10.35634/2587-9030-2024-8-3-314-323>
17. Orlov, M. O. (2020). Mass Media of Religious Institutions as a Factor of Socialization of Young People in the Digital Environment. Modern Cultural and Educational Space of the Humanities and Social Sciences : Materials of the VIII International Scientific Conference / ed. by Yu. Yu. Andreeva, I. E. Rakhimbayeva, pp. 814-822. (In Russ.).

18. Orlov, M. O., Petrova, K. Yu. (2018). Religious identity in the digital environment: sociocultural and psychophysiological approaches. *Bulletin of science and education development*, (4), pp. 34-42.

Информация об авторах / Information about the authors

Савицкая Юлия Петровна, кандидат социологических наук, доцент кафедры маркетинга и муниципального управления, Тюменский индустриальный университет, г. Тюмень, savitskajap@tyuiu.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0126-1320>

Белоножко Лидия Николаевна, кандидат социологических наук, доцент кафедры маркетинга и муниципального управления, Тюменский индустриальный университет, г. Тюмень, belonozhkoln@tyuiu.ru

Толмачева Светлана Владимировна, доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры маркетинга и муниципального управления, Тюменский индустриальный университет, г. Тюмень, tolmatchevasv@tyuiu.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7808-0050>

Yulia P. Savitskaya, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor at the Department of Marketing and Municipal Management, Industrial University of Tyumen, savitskajap@tyuiu.ru

Lidiia N. Belonozhko, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor at the Department of Marketing and Municipal Management, Industrial University of Tyumen, belonozhkoln@tyuiu.ru

Svetlana V. Tolmacheva, Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor at the Department of Marketing and Municipal Management, Industrial University of Tyumen, tolmatchevasv@tyuiu.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7808-0050>

Поступила в редакцию / Received 01.04.2026

Поступила после рецензирования / Revised 22.04.2026

Принята к публикации / Accepted 05.05.2026